

Юдина Н.Б., Юхневич М.Ю. Новые записи легенды о граде Китеже // Вестник МГУ. Сер. 8: Филология. 1969. № 3. С. 78–83; Блинкова Л.А., Бородько Р.Г., Одинцова И.И., Савушкина Н.И. Китежская легенда и несказочная проза Заволжья // Сов. этнография. 1973. № 4. С. 113–122.

¹⁴ Савушкина Н.И. Комплексная экспедиция на Светлояре // Русский фольклор. М.; Л., 1970. Т. XII: Из истории русской народной поэзии. С. 270–271; Она же. Горьковская область: Результаты экспедиций 1969 г. // Русский фольклор. М.; Л., 1972. Т. XIII. С. 273.

¹⁵ Кулагина А.В., Ковтик В.А., Родионова А.А. Вопросник по собиранию фольклора Поветлужья // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора. М., 1999. С. 4–30.

Т.С. Канева
Сыктывкар, Россия

К проблеме изучения поэтики песенного фольклора*

Интенсивное накопление и обобщение фактов духовной культуры в последние десятилетия сделало очевидной задачу их систематизированного описания, создания различных картотек, сводов, словарей, компьютерных баз данных. Некоторые результаты такой работы уже получили широкое признание и стали авторитетными справочно-аналитическими источниками для большого круга специалистов – исследователей традиционной народной культуры и словесности¹. Объектом особого внимания в них является слово как единица фольклорного текста и как «ячейка» поэтической мысли» (по выражению В.М. Гацака)². Хотя первые шаги в изучении семантики фольклорного слова были сделаны еще русскими учеными XIX века (Ф.И. Буслаевым, А.А. Потебней, А.Н. Веселовским и др.), это направление остается одним из самых актуальных и в настоящее время. Одну из задач подобных исследований можно сформулировать словами А.Т. Хроленко: «создание лексикографических “портретов” всех слов, использованных в народнопоэтическом тексте»³. Решение этой задачи невозможно без анализа художественно-определяющих, формульных и прочих словосочетаний, поскольку – как выразил эту общепризнанную идею А.Т. Хроленко – “вся сконцентрированная в слове семантико-поэтическая информация не-

пременно проявляется в связях слова с другими словами, с конкретным текстом и с фольклорным контекстом в целом”⁴.

Приведем некоторые наблюдения, связанные с интересом к художественному развертыванию фольклорного текста с более или менее устойчивой структурой и средствами выражения, к каковым принадлежат песни, в различных локальных вариантах. Речь пойдет о вариативности подробностей изложения (Ю.А. Новиков) конкретного песенного сюжета, с одной стороны, и о возможных путях выявления местной специфики песенных традиций, с другой.

Изучение локальных особенностей песенной традиции предполагает ее последовательную характеристику на разных уровнях⁵. Когда выявлен репертуар (жанровый и сюжетно-тематический состав), сделана попытка определить соположение текстов в местном “культурном пространстве” (в пределах календарного круга, в свадебной обрядности, в сценарии игровых собраний), предстоит более глубокое проникновение в корпус песенных текстов традиции. Имеется в виду исследование их поэтики на основе анализа художественных слагаемых – слов и словосочетаний, из которых складываются формульные выражения, мотивы, сюжетные ситуации и песенный текст в целом.

Задача представления “поэтического инвентаря” песенной традиции может быть решена путем создания картотеки художественных единиц, в которой учитываются сочетания знаменательных слов в пределах ближайших контекстных связей (структурно-семантических элементов или мотивов). Полученная таким образом картотека дает возможность детально рассмотреть все составляющие песенного текста в контексте возможных связей, а также систематизировать слова по алфавитному или по какому-либо другому принципу. Например, песенная строка “По-за городу гуляет царев сын” представлена на четырех карточках соответственно для четырех ключевых слов: “город”, “гулять”, “царев”, “сын”:

По-за городу гуляет царев сын...

По-за городу гуляет царев сын...

По-за городу гуляет царев сын...

По-за городу гуляет царев сын...⁶

По мере накопления вариантов реализации каждого из ключевых слов складывается сопоставительный ряд, к примеру:

<i>По-за городу</i>	<i>гуляет</i>	<i>царев сын...</i>
<i>Вдоль было по травоньке, по муравке</i>	<i>тут ходит-гуляет</i>	<i>удалой молодчик...</i>
<i>Я поеду в нов Китай-город</i>	<i>гуляти...</i>	
<i>Не в саду девки</i>	<i>гуляли,</i>	<i>цветы рвали-собирали...</i>
<i>В саду Настасья</i>	<i>гуляла,</i>	<i>венки вила с городами...</i>
	<i>Гуляй,</i>	<i>гуляй, гуленек...</i>
<i>Гуляй, гуляй,</i>	<i>гуленек...</i>	<i>и т.п.</i>

Анализ такого ряда может быть направлен и на собственно набор художественных слагаемых песенного текста (хотя этому может отвечать и словник), и на выявление и характеристику их частотности, позиционности, валентности. В такой картотеке наглядно представлен диапазон сочетаемости, наличие синонимичных и редких художественных единиц в рамках сопоставляемого контекста. Кроме того, полученный подобным образом репертуар поэтических единиц может стать базовым для характеристики отдельных песенных образов и тем⁷.

Однако картотека сама по себе не позволит судить о местной специфике поэтического инвентаря конкретной песенной традиции. К достижению этой цели может приблизить сравнение репертуара художественных единиц, выявленных на материале разных традиций.

Чем шире сопоставляемый материал (и в географическом, и в жанровом отношении), тем легче выделить общеславянские (этнические) и региональные или узколокальные единицы поэтического текста.

Небезынтересными представляются результаты анализа поэтического инвентаря отдельного песенного сюжета, в ходе которого могут быть обозначены как устойчивые, так и варьируемые, а также редкие художественные составляющие. Базу словаря песенного сюжета должен составить максимально полный (максимально доступный) корпус локальных вариантов сюжета. Конечно, круг источников, по сути, является беспредельным, так как число научных, а также научно-популярных публикаций текстов народных песен вряд ли поддается точному определению – они постоянно растут. Кроме того, известно, что даже имеющиеся публикации не отражают всей полноты сюжетного фонда русских народных песен, поскольку какая-то его часть (и, вероятно, немалая) существует в виде полевых записей, рассредоточенных в архивах и частных собраниях и нередко не имеющих даже систематизированных описаний. В связи с этим заведомо приходится признавать известную относительность результатов подобных изысканий. Тем не менее, это не снимает самой возможности исследования и накопления данных в этом направлении.

В качестве примера представим отдельные характеристики поэтического инвентаря песенного сюжета, условно обозначенного как “молодец с корабля посылает стрелу в девицу”⁸. “Сюжетное ядро” составляют следующие мотивы: “река течет из-под камня”, “суденышко плывет по реке” (включая мотивы “люди на корабле” – “на суденышке немножко людей...”; “проходка молодца”), “приговор молодца стреле” и “объект поисков”⁹. Эти структурно-семантические элементы достаточно стабильны. Они присутствуют практически во всех выявленных вариантах и характеризуются четкой последовательностью. В числе факультативных элементов (они

обычно предшествуют основным) можно отметить мотивы “тропинка к девушке / вдове”, “гостинцы / подарки”, “корение молодца вдовой / девушкой”, “двор молодца”.

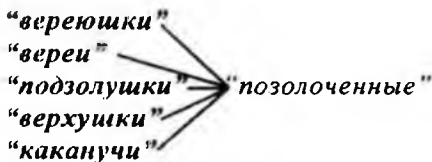
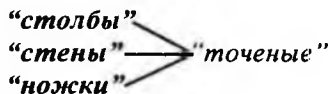
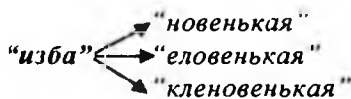
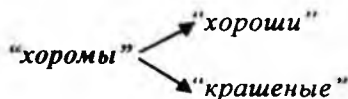
Итак, обратим внимание на реализацию некоторых образов и мотивов этого сюжета. В зачинном фрагменте “М прокладывает дорожку к F” субъект действия обозначается в вариантах как “детинка”, “детинушка”, “детинушка удалый молодец”, “добрый молодец”, “непростой / холостой парень”:

детинка		
детинушка		
детинушка	удалый	
	Молодой	МОЛОДЕЦ
	Добрый	
непростой		
холостой		ПАРЕНЬ

Топтание молодцем травы и цветов, «торение» тропинки передается в следующих сочетаниях:

Травоньку-муравоньку	Прямля	
Лазоревы цветочки	Истоптал	
	Сошибал	
Дорожку / дороженьку	торнил	торил / проторил
Тропинку		

К числу наиболее варьируемых в выявленных текстах можно отнести, например, именование молодца в “корении” (он называется “колыбой”, “гольмбой”, “гольжной”, “гольтьбой”, “гслубой”). Разнообразные “пучки” варьирующихся элементов наблюдаются в описании “двора”:

“подворотенка” → “серебряная”
 → “чистого серебра”
 → “сорока мешка”
 → “белокаменная”

“ворота” → “хрустального стекла”
 → “немецкого стекла”
 → “высокие”

Наиболее стабильными практически во всех имеющихся вариантах рассматриваемого сюжета являются словосочетания в пределах формульного мотива “река из-под камешка”: “Из-под камешка быстра речка течет / бежит” (в единичных текстах отмечен вариант “из-под подворотенки...” и варианты с наименованиями реки: “мати Талица-река”). В описании проходки молодца по кораблю в большинстве вариантов встречается глагол “похаживает”, по количественным показателям к нему приближается глагол “погуливает”, в отдельных вариантах встречаются слова “поступывает”, “спохваливает”. Подобный ряд наблюдений за разнообразными воплощениями поэтических единиц, “пучками отношений”, можно продолжать.

Отметим еще один срез характеристики “поэтического инвентаря” песенного сюжета. Набор слов и формульных словосочетаний каждого отдельного локального варианта может быть рассмотрен с двух позиций: в соотношении со всеми остальными вариантами (поэтический инвентарь данного сюжета), с одной стороны, и, с другой стороны, с корпусом текстов данной традиции (местный поэтический инвентарь). В последнем случае особое внимание стоит уделить не только внутрижанровым сопоставлениям, но и межжанровым, в пределах текстов, составляющих корпус местного песенно-музыкального фольклора. Это поможет определить слой художественных единиц, показательных для словаря местной традиции.

Так, например, для усть-цилемского варианта данного сюжета¹¹ были отмечены следующие отличия¹². Сочетание из зачинной строки “тропинку торни” (“не ты ле, детинка, тропинку торнил, не ты ле, детинка, ко вдовке ходил...”) в контексте словаря данного сюжета является редким (наиболее близко ему сочетание “дороженька торна” из котельнического варианта), а в картотеке поэтических сочетаний усть-цилемских песен оно встречается еще раз – в песне “Не велят Маше за реченьку ходить”. К редким же словосочетаниям, имеющимся только в усть-цилемском варианте, относятся обозначения “людей”, при которых корят молодца: “при компаньюше голыжной называшь” (в вариантах из других мест-

ностей: “при людях / своем (моем) брате / при родной сестре...”): в корпусе усть-цилемских песен вариант слова “компаньюша” встречается еще в одном игровом сюжете в этом же значении: “Это вся наша компания весела”. Именование молодца “голыжной” в усть-цилемской припевке также не имеет точных совпадений по другим текстам, где молодец называется “голытьбой”, “голыбой”, “голымбой”, “колыбой” или “голубой”. В описании двора только усть-цилемский вариант дает сочетание “ножки точеные”, практически во всех остальных текстах ему соответствует “столбы точеные”. Выражение “ножки точеные” отмечено еще в одной усть-цилемской песне (“Ехали ребята из нова города”: “...столлик колочу да ножки точеные да позолоченные”). Формульное словосочетание “подворотенка чистого серебра” относится к редким в пределах словаря сюжета (выявлена в усть-цилемском и мезенском вариантах), наиболее близкое ему – “подворотенка серебряная” (мяксинский и ленский варианты). Примечательно, что в усть-цилемских песнях сочетание “чисто серебро” выявлено лишь в одном тексте – в исторической песне “Нам не дорого ваше злато чисто серебро”. Еще одна редкая художественная единица из “вербального состава” данного сюжета – обозначение водного средства как “корабличек” (в усть-цилемском и мезенском вариантах)¹³, более употребительным в других вариантах является слово “суденышко”. Отметим, что слово “корабль” является наиболее предпочтительным в усть-цилемских песенно-музыкальных текстах, включая былины. Обращает на себя внимание также и достаточно близкое сходство описания “пути стрелы” в рассмотренном песенном сюжете и былинах Усть-Цильмы.

Уже эти немногочисленные примеры позволяют заключить, что накопление и упорядочение данных к “портретам” фольклорных сюжетов представляется лишь как часть широкомасштабной работы по описанию поэтического словаря фольклорной системы в целом. Безусловно, чем более четко систематизированным и широким (в смысле географического охвата фольклорных культур – от точечных традиций до национальных) будет сопоставляемый материал, тем четче будет просматриваться специфика художественного воплощения фольклорных текстов в пределах отдельных сюжетов, жанров, местных традиций.

Примечания

¹ Имеются в виду труды исследовательских коллективов ИМЛИ (Алиева А.И., Астафьева Л.А., Гацак В.М. (руководитель работы), Кирдан Б.П., Пухов И.В. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 42–105; Гацак В.М. Поэтика эпического

историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980. С. 8–47), Института славяноведения (Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999), курских лингвофольклористов (серия “Фольклорная лексикография”; *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора. Лексика былинных текстов. Вып. 1. Курск, 2000), работы С.Е. Никитиной и др.

² *Гацак В.М.* Художественные константы в поэтических традициях народов // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1992. С. 27.

³ *Хроленко А.Т.* Как и зачем “допрашивают” фольклорное слово // Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные взаимодействия: Тез. конф. М., 1998. С. 49.

⁴ Там же.

⁵ См., например: *Смирнов Ю.И.* Местные традиции: уровни опознания местного // Локальные традиции и жанровые формы фольклора. Кемерово, 1992. С. 3.

⁶ Разумеется, в карточке указывается источник текста.

⁷ Так, анализ сочетаний с глаголом “гулять” и производных от него слов в песенно-игровом фольклоре Усть-Цильмы позволил проследить реализацию темы гуляния, обнаружить некоторые закономерности в структуре “хороводного текста” данной традиции и его семантические доминанты. См.: *Канева Т.С.* Тема “гуляния” в усть-цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста). В печати.

⁸ Картоотека “поэтического инвентаря” данного сюжета и ее характеристика выполнена в рамках дипломного проекта: *Бересневич В.В.* Песенный сюжет *Молодец с корабля посылает стрелу*: характеристика поэтического инвентаря: Дипломная работа / Науч. рук. Т.С. Канева. Сыктывкар: Кафедра фольклора и истории книги СыктГУ, 2002.

⁹ См., например: *Песни Печоры* / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963. № 301, 326, 376; *Песенный фольклор Мезени* / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967. № 154; *Лирика русской свадьбы* / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973. № 208 и др.

¹⁰ А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. З.Н. Бильчук, А.Н. Власова, А.Н. Захарова, Т.С. Каневой. СПб., 1992. № 33.

¹¹ Отчасти повторим некоторые положения, ранее сформулированные в статье: *Канева Т.С.* Поэтический “инвентарь” песенного сюжета в контексте местной традиции // Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 4. М., 2002. С. 25–32.

¹² Другим редким словом в этом ряду является “насадничек” из карпогорского варианта.